

- 12 Истомин К.К. "Старая манера" И.С.Тургенева (1834-1855). СПб., 1913. С. 9.
- 13 Жабидкая Л.Г. Чтение служит таланту: О специфике восприятия художественной литературы писателем // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной литературы. Калинин, 1984. С. 25.
- 14 Осьмаков Н.В. Историко-функциональное исследование произведений художественной литературы // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 25.
- 15 См. об этом подробнее: Пумпянский Л.В. Романы Тургенева и роман "Накануне": Историко-литературный очерк // Тургенев И.С. Соч. М.; Л., 1929. Т. У1.
- 16 Курляндская Г.Е. И.С.Тургенев и русская литература. С. 28.
- 17 Науман Манфред. Введение в основные теоретические и методологические проблемы // Общество. Литература. Чтение. М., 1978. С. 56.
- 18 Прозоров В.В. О читательской направленности художественного произведения // Литературное произведение и читательское восприятие. Калинин, 1982. С. 5.
- 19 Кийко Е.И. Комментарий к "Затишью" // Тургенев И.С. Соч. Т. У1. С. 521.
- 20 Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1948. Т. 1У. С. 699.
- 21 См.: Кийко Е.И. Указ.соч. С.514-515.
- 22 Четвертая глава "Затишья" так же, как и "Фауст", имеет внутренние истоки. В ней отразилась история знакомства писателя с М.Н.Толстой (1856 г.), которая, очевидно, послужила отчасти прототипом не только Веры Ельцовой, но и Марьи Павловны (см.: Толстая М.Н. Воспоминания о И.С.Тургеневе: (В пересказе М.А.Стаховича) // Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 245-249.

Е.Н.Строганова
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКАЯ ФОРМУЛА В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО "ВОЙНА И МИР"

Все писатели послепушкинского периода развития русской литературы признавали свое генетическое родство с Пушкиным. Эта генетическая близость во многом была обусловлена типологичес-

ки: общностью проблем русской жизни в пушкинскую и последующую эпохи, а также тем, что Пушкиным были заложены основы нового, реалистического изображения действительности. Лермонтов и Гоголь, Тургенев и Гончаров, Достоевский и Чехов – все величайшие писатели России ощущали на себе мощное влияние пушкинского гения. Из всех “потомков” Пушкина наиболее близок ему оказался Лев Толстой, и это родство было феноменальным и вместе с тем закономерным явлением. Оно возникло прежде всего в силу сходства индивидуальностей Пушкина и Толстого, их человеческой гениальности, ярко проявившейся в художественном творчестве. Именно Пушкину и Толстому суждено было наиболее полнокровно и мощно осуществить общие потребности литературного движения и достичь наибольших высот в художественном освоении действительности.

На протяжении всего долгого творческого пути Толстой постоянно обращался к Пушкину. К началу 1870-х гг. относится его признание: “Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться”¹. Одним из наиболее значительных периодов творческого взаимодействия Толстого с Пушкиным было время создания “Войны и мира” – романа о пушкинской эпохе, который и в философско-историческом, и в эстетическом, и в социально-этическом аспекте явился продолжением и развитием начал, заложенных в творчестве Пушкина.

Одним из завоеваний пушкинского реализма было конкретно-историческое осмысление соотношения личности и среды. Это определило, в частности, особенности изображения им дворянства. Давно уже было замечено, что Пушкин, отражая реальное содержание своей эпохи, показывает разницу в жизни столичного и поместного дворянства. Однако глубина пушкинского реализма, полнота его проникновения в действительность проявились не просто в изображении уклада жизни разных социальных слоев, в том числе и разных групп дворянства, но в осознании диалектической связи характера человека с этим укладом. Б.В.Томашевский в работе “Петербург в творчестве Пушкина” замечает, что в “Евгении Онегине” картина города дана неразрывно с характеристикой людей, в нем живущих². Это верное наблюдение следует уточнить: в творчестве Пушкина в целом место проживания героев – Москва, Петербург, деревня – имеет характерологическое значение. В этом смысле Пушкин шел от непосредственных жизненных впечатлений, но вместе с тем опирался на определенные стереотипы, сложившиеся в общественном сознании, в част-

ности на существование в XIX в. наряду с оппозицией "город-деревня" и оппозиции "Москва-Петербург".

Философско-этическое содержание оппозиции "город-деревня" восходит к просветительскому (руссоистскому) противопоставлению "цивилизованной" и "естественной" среды. Отголоски этих представлений ощутимы и в творчестве Пушкина, и в творчестве Толстого, но они сложно эволюционируют под воздействием специфических условий жизни. Представление же о разнице между Москвой и Петербургом исторически было сформировано самой русской действительностью.

Возникновение оппозиции "Москва-Петербург" должно быть отнесено, видимо, к началу XVIII в. – к тому времени, когда была основана северная столица. Уже в самом начале XIX в. как вполне сложившееся существует представление о хлебосольной, праздной, беззаботной Москве, противостоящей всем укладом своей жизни официальному, деловому и расчетливому Петербургу. В официальной письменной литературе Петербург провозглашался как "символ добра и созидания, как столица, имеющая божественное происхождение". В устной традиции закреплялось представление о Петербурге как "противоестественном, не русском городе, средоточии зла"³. Народное осознание разницы между старой и новой столицами нашло свое отражение в фольклоре. Так, Толстой, работая над "Войной и миром", выписывает следующие поговорки: "Москва всем городам мать", "Москва бьет с носка, а Питер бока повытер", "Питер женится, а Москва замуж идет"⁴. Первая поговорка показывает, что народная традиция отдает явное предпочтение Москве, признавая ее положительную роль в жизни страны.

Субъективное восприятие Пушкиным Москвы и Петербурга было достаточно сложным, и образы этих городов имеют в его творчестве самостоятельный и неоднозначный характер. Мы коснемся этого вопроса в тех пределах, которые необходимы для объяснения связи "Войны и мира" с творчеством Пушкина.

Оппозиция "Москва-Петербург" возникает уже в раннем творчестве Пушкина, впервые – в послании "Всеволожскому" (1819). Петербург в этом стихотворении представлен как "мертвая область рабов, Капральства, прихотей и моды". В негативной характеристике официального Петербурга сказались вольнолюбивые настроения молодого Пушкина, отголоски его общения с либерально настроенными кругами. "Мирная" Москва идилично изображается как город,

Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.

В этом описании Пушкин, который мальчиком покинул Москву и, следовательно, не мог опираться на собственные впечатления, в значительной степени следует сложившимся представлениям о старой столице. Противопоставленность Москвы и Петербурга передается антонимичными понятиями “живой” и “мертвый”. Вместе с тем традиционно-идиллическое изображение Москвы у Пушкина соседствует с ироническим преподнесением московских нравов, предвосхищающим описание московского общества в УП главе “Евгения Онегина”:

Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.

Намеченный уже в раннем стихотворении неоднозначный образ Москвы получит свое дальнейшее развитие в творчестве Пушкина, обогащаясь личными впечатлениями и историческими размышлениями. Наиболее многогранно и пластично образ Москвы воплощен в УП главе “Евгения Онегина”, которой предпослан тройной эпиграф, указывающий на сложность этого образа⁵. В самой главе реализуются все значения эпиграфа: Москва воспевается как центр государства, отразившего наполеоновское нашествие, вместе с тем она показана и в своей повседневной будничной прозе, а при изображении московского общества использована буквально грибоедовская сатирическая палитра⁶. В 1830-е гг. у Пушкина совершенно отсутствуют прежние идиллические мотивы в описании Москвы, он с грустью говорит о том, что она дряхлеет, приходит в упадок, и называет ее “смирненной”.

Намеченное уже в раннем творчестве противопоставление Москвы Петербургу постоянно присутствует в сознании Пушкина. В “Медном всаднике” оно выражено ярким и точным сравнением:

И перед новою столицей
Померкла старая Москва,
Как перед юною царицей
Порфиноносная вдова.

Наиболее полно противопоставление Москвы и Петербурга выражено в статье "Путешествие из Москвы в Петербург", где отчасти развиваются мотивы, намеченные в юношеском стихотворении: "надменный Петербург" и "старушка Москва". Однако в статье это противопоставление осознано конкретно-исторически. Упадок Москвы Пушкин рассматривает как "неминуемое следствие возвышения Петербурга" и непосредственно связывает с "обеднением русского дворянства"⁷, что, по его мнению, явилось результатом неправильной государственной политики – поощрением выскочек и пренебрежением к старинному родовому дворянству. В сознании Пушкина Москва существовала как своеобразный центр оппозиционности. Пушкин писал, что "Петр 1 не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков" (X1, 247). Именно былая оппозиционность старой столицы вызывает эпитет "смирренная", характеризующий положение Москвы в 1830-е гг. Вместе с тем, как замечает Б.П.Городецкий, "Пушкин с исключительной исторической проницательностью характеризует процесс постепенного превращения Москвы из центра и средоточия российского дворянства в центр и средоточие российской промышленности и российского купечества"⁸.

Образ Петербурга, так же как и образ Москвы, у Пушкина достаточно сложен, сложным было и его личное отношение к Петербургу. Признание: "Люблю тебя, Петра творенье..." – относится к архитектурному облику города. Петербург, как и Москва, был предметом патриотической гордости Пушкина и символом великих возможностей человека. Однако неприятие официального Петербурга, намечившееся в раннем творчестве, отражало истинное отношение поэта к новой столице. Духовная атмосфера Петербурга была тяжела для Пушкина, особенно в последние годы жизни.

Неприятие петербургского общества отразилось в произведениях 1830-х гг. Прозаические наброски этого периода отражают путь Пушкина к созданию широкого эпического полотна о современной эпохе, своеобразной истории русского общества, преломившейся в судьбе героя-дворянина. В этом смысле особенно по-

казателен замысел романа "Русский Пелам". Петербургский свет в изображении Пушкина – это "милое" сборище глупцов, старых дев, записных остряков, в котором выделяются немногие умеющие думать и чувствовать. По преимуществу же высший свет представляют люди недостойные, волею "случая" вылезшие наверх. Гордость, честь, достоинство преданы забвению, и аристократ Володский ("На углу маленькой площади...") дорожит "вниманием князя Григория, известного мерзавца, и благосклонностью жены его, дочери [певчего]" (УШ/1/, 143). Как видно и в изображении Петербурга Пушкин руководствуется ведущей в его творчестве последних лет идеей деградации государства, падения нравов как следствия государственной политики, пренебрегающей старинным дворянством⁹.

В 1827 г. Пушкиным была обнаружена формула "Москва девицья, а Петербург прихожая", смысл которой в целом не выходит за пределы традиционного противопоставления двух столиц. Через некоторое время Пушкин возвращается к этой формуле и в дополненном виде вводит ее в "Роман в письмах". Герой романа пишет своему другу: "... Петербург прихожая, Москва девицья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девицью, а сидит у себя в своем кабинете" (УШ/1/, 52). Таким образом, устойчивая в общественном сознании оппозиция "Москва-Петербург" у Пушкина наполняется новым содержанием. Пушкин приводит героя к признанию помещичьей деятельности как единственно достойной дворянина. Герой рассуждает: "Звание помещика есть та же служба. Заниматься управление[м] 3-х тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...".

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непросительно. Чем более имеем мы над ним[и] прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы [оставляем] их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застаёт в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства..." (УШ/1/, 52-53).

Аналогичные мысли высказаны и в незаконченной поэме "Езерский":

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,

С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старя близ могил родных
В своих поместьях родовых... 10

Таким образом, раздумья о положении дворянства приводили Пушкина к выводу о том, что дворяне должны сами позаботиться о себе и заняться хозяйством. В отказе от всякого рода карьерной деятельности – военной и гражданской – проявляется противостояние Пушкина официальной государственной политике. Он ощущает необходимость сокращения разрыва между помещиками и крестьянами, разрыва, который ведет к оскудению государства. Единственное возможное средство для решения настоящих проблем он видит в возвращении дворянина к земле, в рачительном попечении помещика о своих крестьянах, что является его моральным долгом и условием материального благополучия и помещиков, и крестьян. В "Путешествии из Москвы в Петербург" читаем: "Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного" (X1, 258). Пушкин верит в то, что должны произойти "великие перемены", – и в этом смысле можно говорить о том, что он верен идеалам декабристов, верен антикрепостническому протесту, так резко прозвучавшему в книге Радищева. Однако перемены – дело будущего и, быть может, весьма отдаленного. На современном же этапе единственный выход – работа самих дворян о хлебе насущном и подвластных им людях.

Такое решение диктовалось и экономической ситуацией 1830-х гг., когда по стране прокатилась волна голода. 14 декабря 1833 г. Пушкин записывает в дневнике: "Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. – Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода" (ХП, 317). Эта горькая запись показывает отсутствие каких-либо надежд на изменение государственной политики. "Совет царю" остался в дневнике. Пушкин в 1830-е гг. иначе, чем прежде, решает вопрос о государственной деятельности для дворянина. Вопрос о дво-

рянстве переносится в область хозяйственную, где оно еще может играть какую-то роль. Экономическая роль дворянства для Пушкина связывалась с его культурно-этическим предназначением, с его моральным долгом и ответственностью перед крестьянами. Таков глубокий идейно-философский смысл пушкинской формулы "Петербург прихожая, Москва девчья, деревня же наш кабинет", отражающей пушкинскую концепцию роли дворянства в конкретно-исторических условиях 1830-х гг.

С тех решений, к которым пришел Пушкин в последние годы жизни, начал свой жизненный путь Толстой: он сам пожелал стать помещиком и уже в первых своих проповедениях отразил сложный духовный и практический путь честного дворянина. Толстой продолжил волновавшую Пушкина тему отрыва помещиков от земли, который во времена Толстого, когда дворяне, разоряясь, отдавали свои поместья новым хозяевам жизни, ощущался еще острее.

Стремясь к конкретно-историческому осмыслению действительности, Толстой реалистически показывает связь человека со средой. В "Войне и мире" он использует пушкинский принцип сознания образов, связывая героев с местом их проживания. Москва, Петербург, деревня у Толстого, как и у Пушкина, этически маркированы, и место проживания героя является средством его характеристики. Сложно судить о степени осознанности этого приема, однако он слишком очевиден, чтобы не принять его во внимание. В "Войне и мире" Толстой в буквальном смысле разворачивает пушкинскую формулу, делая ее основой композиции первой части романа, действие которой последовательно происходит в Петербурге, в Москве и в Лысых Горах¹¹. С этой формулой соотносится и система образов героев в романе.

Петербург в "Войне и мире" – это город, где происходят события, не затрагивающие естественных основ человеческого бытия: неофициальный, с претензией на дружеский прием у фрейлины двора, на котором обсуждаются околополитические сплетни и при этом устраиваются свои дела: Друбецкая через Курагина пытается пристроить в гвардию своего Бориса, Курагин с помощью Шерера пытается получить место посланника для Ипполита и приискать выгодную партию для Анатоля. В Петербурге веселится золотая молодежь, и эти кутежи составляют основной смысл существования Анатоля и являются средством для самоутверждения Долохова. Высший свет представлен у Толстого по-пушкински – "мертвой областью". По-настоящему человекен лишь разговор

князя Андрея с Пьером. Характерны слова князя Андрея, обращенные к Пьеру: "... ты один живой человек среди всего нашего света"¹². Буквально то же самое произносит герой пушкинского наброска "Скажи, какой судьбой..." при встрече со своей сестрой: "... не найдешь живого человека В отборном обществе" (УП, 246). У Толстого и князь Андрей и Пьер в петербургском мире люди чужие и временные. Пьера отец послал в Петербург, чтобы тот избрал себе поприще для будущей деятельности, так как именно в Петербурге делают карьеру. Князя Андрея в Петербурге одолевают честолюбивые помыслы, и он готовит себя к тому, чтобы повторить путь Наполеона. Так Толстой как будто реализует пушкинскую мысль о том, что порядочному человеку необходимо "пройти через переднюю".

Истинно петербургская публика – это Шерер, Курагины, которые в деревне не живут, а в Москве показываются только затем, чтобы обвораживать. В Петербурге обосновываются Берги. Толстой подчеркивает, что Борис Друбецкой "любил Петербург и презирал Москву" (5, 93). Так Петербург оказывается необходимой частью духовного облика героев отрицательных. Здесь все поставлено с ног на голову: идиот Ипполит числится в умниках, а развратная Элен слывет добродетельной страдальицей. Здесь живут по тем принципам, которые метко обобщиł Пушкин: свет "не карает заблуждений, Но тайны требует для них". В Петербурге невозможно существование естественных человеческих отношений: здесь создается и разрушается семья Болконских, Пьер помимо своей воли женится на Элен, князь Андрей именно в Петербурге знакомится с Наташей, но им не суждено быть вместе.

Таким образом, рисуя облик светского Петербурга, Толстой по-пушкински осмысляет его духовное убожество и человеческую ничтожность. Дискредитация мира высшей знати, отчетливо намеченная в пушкинских прозаических набросках 1830-х гг., у Толстого получает свое развернутое воплощение. У Пушкина в "зародыше" содержится все то, что Толстой детально развернет в "Воине и мире"¹³. Отличие Толстого от Пушкина – в одностороннем изображении Петербурга. У Пушкина Петербург – "город пышный, город бедный", у Толстого – только "пышный". Это явилось следствием того невнимания Толстого к представителям среднего сословия, которое было отмечено уже современниками автора¹⁴. У Пушкина "город бедный" – это не только город ремесленников, мещан, но и город мелких чиновников, которыми становились "родов дряхлеющих обломки". Для Толстого тема вырождения старинной аристократии не была столь актуаль-

на, как для Пушкина, и образ такого героя трактуется им иначе и нарисован совсем в иных тонах. Так, Друбецкой и Долохов далеки от того, чтобы чувствовать себя маленькими людьми и примириться со своим положением. В отличие от Берга или Курагина эти герои не лишены проблесков человечности, однако преобладает в них "петербургское" начало. Интересно отметить, что сфера проявления человечности натуры Долохова – в Москве: здесь живет обоготворяемая им старушка-мать, здесь он впервые по-настоящему полюбил (правда, счел по-долоховски); живет же Долохов в Петербурге, где и пробивает себе дорогу наверх.

Москва в романе Толстого – "девичья", которая, как и у Пушкина, отличается своей одушевленностью и беспечностью. Уже в первой части с Москвой связаны события домашние и очень человеческие: именины и смерть. Семейство Ростовых является олицетворением Москвы. Более всех прочих героев связан с Москвою Пьер. В черновиках романа сохранилось характерное замечание. Толстой пишет о первом посещении Пьером дома Ростовых: "Еще за обедом он с петербургской высоты презирал, насколько способно было его доброе простое сердце, всю эту московскую публику. Теперь же ему уже казалось, что здесь только в Москве и умеют жить люди, здесь только и найдешь настоящую поэзию жизни, думал он"¹⁵. Образ Москвы в романе Толстого представлен в более приятных тонах, чем образ Петербурга, однако, как и Пушкин, Толстой показывает, что и здесь не может истинно раскрыться человек. Так, Пьер, оставив Элен, приезжает в Москву и начинает чувствовать себя покойно, как в старом халате. Он, молодой еще человек, ведет образ жизни отставного камергера. Показывая это, Толстой утверждает, что и Москва не место для порядочного человека.

Настоящее лицо Москвы и ее нравственную высоту по сравнению с Петербургом Толстой показал в годину грозных испытаний. Осмысляя события войны 1812 г., Толстой близок Пушкину типологически, но и во многом восходит к нему генетически. Полнее всего Москва периода наполеоновского нашествия представлена у Пушкина в романе "Рославлев" и в УП главе "Евгения Онегина"¹⁶. В "Рославлеве" сначала изображена московская жизнь накануне войны, это дает возможность Пушкину показать то изменение общественного настроения, которое происходит с войной. Москва 1811 года – это город шумный и беззаботный, где молодежь предается вихрю веселья, где дают роскошные обеды в честь знатных гостей и московские "умники" от заезжей знаме-

нитости m-me de Staël ждут только каламбура, чтобы разнести его по всему городу (ср. в "Горе от ума" реплику Чацкого Фамусову: "Вам первым, вы потом рассказываете всюду"). Легкомыслие, ветренность, беззаботность и бездумность – вот что такое Москва в канун войны 1812 года. Рассказчица вспоминает: "Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами" (УШ/1/, 152).

Все изменяется с известием о нашествии. Пушкин устами своей героини несколько иронически описывает патриотический подъем, возникший в дворянской среде: "Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни" (УШ/1/, 153). В процитированном отрывке лапидарно переданы настроения, царившие в московском обществе, которые станут предметом развернутого описания в "Войне и мире".

Толстой уделяет значительное место описанию патриотического одушевления москвичей, рисуя тот резкий переход от беззаботности и беспечности к деловитости и озабоченности, который намечен в "Рославлеве". Он, так же как и Пушкин, ведет повествование в несколько ироническом ключе, описывая настроения и занятия москвичей, русский язык посетителей салона Жюли Друбецкой. Однако он очень серьезен, показывая патриотизм истинный, "скрытый (latent)": "Та барыня, которая еще в июне месяце с своими арапами и шутками поднималась из Москвы в саратовскую деревню, с смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга ... делала просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию" (6, 290).

В пушкинском романе повествование переключается в героический план, когда заходит речь о судьбе России. Отступление русских войск в начале войны названо мыслью, "великой в своем ужасе ... которой смелое исполнение спасло Россию и освободило Европу" (УШ/1/, 155). Эти суждения перекликаются с той оценкой деятельности Барклая де Толли, которую Пушкин дал в стихотворении "Полководец" и последующем объяснении по поводу этого стихотворения. В самом серьезном тоне в романе даны

упоминания о Бородинской битве и о пожаре Москвы. Экзальтированная Полина, поняв, что пожар Москвы – дело рук русских, восклицает: “Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу” (УШ/1/, 157). Такая же трактовка пожара Москвы как дела рук самих русских представлена и в других произведениях Пушкина: в УП главе “Евгения Онегина” (“... Она готовила пожар Нетерпеливому герою”), в черновиках стихотворения “Чем чаще празднует лицей...” (“Мы жгли Москву...”) ¹⁷. Толстой в “Войне и мире” дает иное толкование этого события: для него пожар Москвы, как и все остальное, – не преднамеренный шаг кого бы то ни было, а та необходимость, которая возникла в результате разнонаправленной деятельности многих и многих лиц, т.е. в трактовке этого события Толстой верен своей философско-исторической концепции. Однако Толстой по-пушкински решает вопрос о характере войны.

В “Войне и мире” так же, как и в “Рославлеве”, показана определяющая роль народа в войне 1812 г. ¹⁸. Здесь реализуется то содержание слова “народ”, которое представлено в романе Пушкина. Героиня “Рославлева” говорит о “добром простом народе”, противопоставляя его светской “черни”. Такое же понимание слова “народ”, объединяющее представителей низших сословий, звучит и в приведенных в романе словах m-me de Staël: “Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову” (УШ/1/, 152). Вместе с тем Пушкин показывает, что с наступлением войны происходит единение нации. Аристократка Полина, мечтающая совершить патриотический подвиг, ее жених, погибший “за спасение России”, являются частичкой народа. В таком значении употребляет эти слова и Полина, говоря о сожжении русскими Москвы. Соотнося “Войну и мир” с “Рославлевым”, можно говорить о том, что роман Пушкина повлиял не столько на отдельные описания и трактовку событий Толстым, сколько на понимание народного характера войны, осознание победы русских как результата единства нации. Отмеченный нами синтез иронии и патетики в изображении кануна войны и событий самой войны в “Рославлеве” также предвосхищает “Войну и мир”.

Генетические связи существуют между романом Толстого и “Евгением Онегиным”. В своем романе Пушкин создал величественный образ Москвы, выказавшей свое глубочайшее презрение победителю Наполеону:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою,

Так лаконично и емко Пушкин передает настроение "нетерпеливого героя", стоящего у ворот непокоренного города. В "Войне и мире" пушкинские строки развернуты в подробное психологическое описание. Москва дана в восприятии Наполеона и кажется ему лежащей у его ног. Она "играет и дрожит золотыми куполами и крестами в лучах солнца". "Странный, красивый, величественный город!" (6, 338). Главный объект внимания Толстого – самодовольные мысли "упоенного счастьем" Наполеона: он перебирает в уме те благодеяния, которые окажет Москве, воображая себя носителем "законов справедливости" и "истинной цивилизации". Толстой подробно описывает ожидание Наполеона и фиксирует время, для того чтобы язвительнее высмеять несостоявшийся спектакль. В десять часов утра Наполеон со своими войсками уже стоял на Поклонной горе, он полон сентиментальных мыслей: "На древних памятниках варварства и деспотизма я напишу великие слова справедливости и милосердия..." (6, 338). Проходит два часа. Наполеон ожидает депутацию, и "речь его к боярам уже ясно сложилась в его воображении". Проходит еще время. Вернулись посланцы, узнавшие, что Москва пуста, но никто не решается доложить об этом императору. Тогда он сам, "актерским чутьем чувствуя, что величественная минута" затянулась, дал знак движению войск и, доехав до Дорогомиловской заставы, остановился и "долго ходил у Камерколлежского вала, ожидая депутации" (6, 340). Описание того, как Наполеон тщетно ждал депутацию бояр, заканчивается кратким резюме, данным по-французски, но не являющимся прямой речью: "Не удалась развязка театрального представления" (6, 342). Толстой использует родной язык Наполеона, воображающего себя автором величественной трагедии, и рисует его рядовым персонажем комедии, чья воля бессильна перед мощною волею чужого и непонятного ему народа. Так, взяв за основу пушкинские строки, Толстой разворачивает их в соответствии со своим идейно-художественным заданием.

Для Толстого отношение героев к войне является средством их характеристики. Война особенно отчетливо выявляет противо-

поставленность Москвы и Петербурга. Интересно, что в черновых вариантах реакция Москвы и Петербурга на происходящие события и их эволюция предполагалась одинаковой: "С в е т Московской и Петерб[ургский] заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не А п р а к с и н [ы х], а горе, несчастья их сближают с р у с с к и м и и с помещиками и с народом"¹⁹. В этой черновой заметке Москва и Петербург осмысляются как единое целое – "свет" – и они сначала противопоставлены русскому (помещики и народ), а потом общее горе эту противопоставленность разрушает: все русские, в том числе и высшее дворянство, осознают себя представителями нации и объединяются общностью интересов и стремлений. Но впоследствии Толстой отказался от мысли показывать сходство Москвы и Петербурга, так как это противоречило исторической истине. Знакомство с документами эпохи убеждало Толстого в том, что Петербург и Москва были двумя различными и несовместимыми мирами. Один из источников, которым пользовался Толстой в работе над романом, – переписка фрейлины двора М.А. Волковой и В.Н. Ланской, М.А. Волкова писала своей подруге: "Чем больше я думаю, тем более убеждаюсь, что Петербург вправду ненавидеть Москву и не терпеть всего, в ней происходящего. Эти два города слишком различны по чувствам, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить друг друга"²⁰.

В каноническом тексте романа Толстой пишет о Петербурге периода Отечественной войны: "... спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отражениями жизни, петербургская жизнь шла по-старому..." (7, 7). В романе Толстой сближает жизнь московскую и деревенскую и противопоставляет ее петербургской: "В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в явлениях жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие – в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь неизменна" (6, 133). Как можно видеть, крайними точками оппозиции являются жизнь петербургская и деревенская. Основной признак петербургской жизни – ее неизменяемость, т.е. по существу мертвенность (вспомним пушкинское: "мертвая область"). Деревенская жизнь представлена как вариант идеальный, тот этический критерий, которым проверяются герои, – и в этом проявляется глубокое внутреннее родство Толстого и Пушкина.

Быт деревенский описан Пушкиным во многих его произведениях, полнее и разностороннее всего, пожалуй, в "Евгении Онегине". Здесь уклад жизни, привычки и обычаи патриархального семейства Лариных, их соседей – провинциальных помещиков–крепостников и одинокого старика – дяди Онегина, здесь и деревенская жизнь самого Онегина, петербургского отшельника, для которого деревня уже отчасти становится "кабинетом" в пушкинском понимании этого слова, как он его представит в "Романе в письмах". Здесь провинциальный бал и зимние забавы, повседневные интересы и занятия – будни и праздники деревенской жизни. И в других произведениях Пушкина – "Дубровском", "Метели", "Барышня-крестьянке", "Романе в письмах" – обозначены приметы мирной деревенской жизни, и никогда она не кажется скучной и безотрадной. Даже петербургская барышня Лиза ("Роман в письмах") находит свои прелести в деревенской жизни: "У нас зима: в деревне с'est un événement [это целое событие]". Это вовсе меняет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, – все делается светлее, веселее от первого снега" (УШ/1/, 49). В ряде произведений Пушкина описана охота в отъезде поле – одна из характернейших примет помещичьего быта, а в "Графе Нулине" – отъезд на охоту, который напоминал Толстому выезды на охоту его отца²¹.

В представлении Толстого деревня также была тем местом, где могли с наибольшей полнотой раскрыться лучшие качества человека. С помещичьей деятельностью были связаны представления Толстого о предназначении дворянина и о той роли, которую должно играть дворянство в жизни страны. Намеченный уже в раннем творчестве путь героя-дворянина к крестьянам, поиски истинных ценностей в деятельности на благо крестьян находят свое воплощение и в "Войне и мире".

Трех своих героев, несущих печать авторских раздумий о назначении дворянина, – князя Андрея, Пьера и Николая – Толстой проводит через испытание помещичьей жизнью. На примере Пьера он показал тот путь, который, по мнению Пушкина, приводил к вырождению старинных фамилий. Через деятельность Пьера-помещика Толстой изобразил механизм взаимоотношений оторванных от земли дворян с крестьянами. Эта оторванность, передоверенность попечений о крестьянах плутам–приказчикам, "руке наемной" являлась причиной и материального разорения, и нравственной деградации дворян. Пьер – богатейший землевладелец, но у него

нет постоянного места проживания, нет "родного пепелища". В эпилоге о семействе Безуховых мы узнаем, что они живут то в Москве, то в Петербурге, то в подмосковной деревне (она не названа в романе), то у Николая. Толстой дает понять, что это "кочевание", отсутствие родового гнезда связано с деятельностью Пьера, далекой, по его мнению, от истинных начал и интересов жизни.

Жизнь Болконских связана с Лысыми Горами и Богучаровым. Лысые Горы, управляемые стариком Болконским, – это место, где живут по искусственно созданным принципам, но не нарушая моральных основ бытия. Богучарово, поместье князя Андрея, сродни Лысым Горам своей рациональной строгостью и сухостью, и отчасти – "кабинет", если воспользоваться пушкинским обозначением. Князь Андрей – деловой хозяин: на разумных началах устраивает жизнь своих крестьян, воистину благодетельствует их – создает школу, больницу; он один из первых в России реализует закон о вольных хлебопашцах. Однако интересно, что именно здесь, в имении князя Андрея, где он вводил прогрессивные преобразования, взбунтовались мужики в надежде получить от французов долгожданную волю²². Толстой, правда, замечает, что богучаровские мужики издавна славились "диким" своим нравом и порывались отправиться на какие-то "теплые реки", и это может отчасти служить объяснением их "антипатриотических" настроений. Однако думается, что для Толстого были как-то связаны деятельность князя Андрея и бунт в его имении. Это могло быть навеяно теми попытками реформ, которые пытался провести в своем имении Толстой, но лишь убедился в совершенном недоверии крестьян к помещику, их неверии в благие намерения помещика. Возможно также, Толстой пытался подчеркнуть мысль о том, что дворянин должен чувствовать душевное расположение к деятельности помещика, и именно это может создать взаимопонимание между ним и крестьянами. Князь Андрей хозяйствует в деревне поневоле, и хотя на время увлекается своими преобразованиями, но они не составляют истинную цель и радость его жизни.

Героem, в наибольшей степени соответствующим представлениям Толстого о том, как должен жить помещик, является Николай Ростов. Отрадное, имение Ростовых, во времена старого графа – это еще "гостиня": здесь, как и в Москве, продолжается живая жизнь Ростовых, сердечная, шумная и беспорядочная. Старик Ростов, передоверивший управление имением приказчику Митеньке, разоряется совершенно таким образом, как писал об этом Пушкин.

Настоящим "кабинетом" в пушкинском смысле показаны в романе Лысые Горы, родовое поместье Болконских, когда там становится хозяином Николай Ростов. Он – помещик, который заботится о благосостоянии своих крестьян, так как понимает, что это выгодно и для него. Ростовы постоянно живут в деревне, естественной для дворян-помещиков и приближенной к народу жизнью: для Николая это интересы хозяйства, охота и чтение как насильственная, но возвышающая его в собственных глазах привычка; для графини Марьи это семья – муж и дети, в которых она вкладывает все свои душевные силы, и религия.

Отмечаемое нами сходство в миропонимании Пушкина и Толстого является в первую очередь несомненным свидетельством их типологического родства. Однако не следует исключать и возможности генетических контактов. В частности, Толстому была известна пушкинская формула, содержащая решение вопроса о назначении дворянина. В издании П.В. Анненкова "Роман в письмах" печатался в сокращении, однако было сохранено то письмо героя, в котором помещен интересующий нас афоризм. Он мог запомниться Толстому, так как отвечал его собственным представлениям о жизненном пути дворянина. В последние годы жизни Толстой назовет трех русских писателей, чьи духовные искания были наиболее близки ему, и в том числе Пушкина, у которого "такая серьезность отношения" к вопросам нравственным. Этическая и творческая близость Толстого Пушкину проявилась в системе образов героев в "Войне и мире", в изображении реальной общественной структуры дворянства пушкинской эпохи, сохранившейся в своих основных чертах и в 1860-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 500.
- 2 Томашевский Б. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 17.
- 3 Борев Ю. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения "Медного всадника". М., 1981. С. 189–190.
- 4 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юб. изд. М., 1949. Т. 13. С. 45.
- 5 См. об этом: Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий. Л., 1980. С. 312.
- 6 Там же. С. 331.
- 7 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. XI. С. 247 (далее ссылки даны в тексте по этому изданию с указанием тома и страниц).

- 8 Городецкий Б.П. "Путешествие из Москвы в Петербург" А.С.Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1960. Т. III. С. 236.
- 9 Там же. С. 219.
- 10 Эти размышления Пушкина отражали настроения либерально настроенных кругов. Причину экономического разорения России многие декабристы видели в том, что дворянство ведет недостойный образ жизни. Так, А.Бестужев писал Николаю I из Петропавловской крепости: "Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и таким образом 9/10 имений в России расстроено и в закладе" (Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 488).
- 11 Представляется, что А.В.Чичерин, пишущий о своеобразии "факторов времени и пространства" в "Войне и мире", недооценивает "фактор пространства". Дом Безухова и Болконского действительно имеет в романе эпизодическое значение, но принципиально важно, где этот дом: в Москве, Петербурге или деревне (см.: Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М., 1975. С. 213-214).
- 12 Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М., 1979. Т. 4. С. 41 (далее "Война и мир" цитируется в тексте по этому изданию с указанием тома и страниц).
- 13 Содержательные суждения о значении пушкинской прозы для последующих русских писателей см.: Чичерин А.В. Указ. соч. С. 66-119.
- 14 См., например: Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н.Толстого "Война и мир" // Л.Н. Толстой в русской критике. М., 1949. С. 208.
- 15 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 240.
- 16 Связи "Войны и мира" с пушкинским "Рославлевым" отмечаются в ряде исследований (см., например: Петров С. Русский исторический роман XIX века. М., 1984. С. 262; Бычков С. Л.Н.Толстой: Очерк творчества. М., 1954. С. 173-174).
- 17 Вряд ли можно согласиться с Б.В.Томашевским, который считал, что Пушкин противоречиво решал вопрос о причине пожара Москвы, и аргументировал это стихотворением "Бородинская годовщина" (см.: Томашевский Б. . Пушкин. Книга вторая: Материалы к монографии. 1824-1837. М.; Л.,

1961, С. 182). Как замечает Т.Г.Цявловская, в словах "... Мы не сожжем Варшавы их" подразумевается сожжение Москвы во время польской интервенции 1611 г. (см.: Цявловская Т.Г. Примечания // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 598).

18 См. об этом: Петров С. Указ. соч. С. 88-89.

19 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 13. С. 22.

20 Грибоедовская Москва в письмах М.А.Волковой к В.И.Ланской. 1812-1818 гг. // Вестник Европы. 1874. № 8. С. 614.

21 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 357.

22 Об отношении богучаровских крестьян к хозяйственным нововведениям князя Андрея А.А.Сабуров очень точно замечает: "Вывод: "и раб судьбу благословил" не получает подтверждения у Толстого" (См.: Сабуров А.А. "Война и мир" Л.Н.Толстого: Проблематика и поэтика. М., 1959. С. 169).

А.И.Акмен
(г. Ленинград),
С.А.Фомичев
(Институт русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР)

ПУШКИНСКОЕ КОЛЬЦО КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)

За последнее 15-летие наряду с традиционными пушкинскими местами нашей страны все большую известность приобретают пушкинские места в Калининской области. В 1971 г. решением Калининского облисполкома пушкинские места Калининской области были объявлены историко-литературным заповедником. Здесь действуют два пушкинских музея: в Берново (1971, 1977) и в Торжке (1972). К 1978 г. заасфальтирована дорога на всем протяжении тверского пушкинского кольца: Торжок - Калинин - Старица - Малинники - Павловское - Берново - Грузины - Торжок. Установлены мемориальные доски о пребывании поэта в здешних краях в Бернове, Малинниках, Павловском, Курово-Покровском, Торжке, Калинин, Погорелом Городище. Открыты памятники Пушкину в Калинин, Бернове, Никитском. С 1971 г. проводятся Пушкинские праздники поэзии. В Василеве создается музей деревянного зодчества.

Пушкинским местам в Тверском крае посвящена краеведческая литература. книги М.Ильина, А.Пьянова, Л.Керцелли, Л.Черейского. Выпущены буклеты, комплекты открыток, постоянно

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

**Межвузовский тематический
сборник научных трудов**

Калинин 1987